

Мак. Козловский,
1978, 10 авг.

ПЕЧАТАЕТСЯ
С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Л. АННИНСКИЙ

ТОЛСТОВСКИЙ ЭКРАН

И еще одно: пальцы рук его при этом нервно-ски подрагивают. Свидетельство неопровержимое: кинокамера.

Дранков раскланялся и улетучился. 12 сентября он прислал Софье Андреевне из Петербурга благодарственное письмо. Писал он на личном бланке, где среди виньеток было оттиснуто: «Первая в России фабрика кинематографов и кинематографических лент для живой, поющей и говорящей фотографии А. О. Дранкова».

Фильм о Толстом произвел фурор в публике. Конкуренты были нокаутированы. «Петербургский листок» в бессильной зависти написал, что съемки подложные и что Толстого изображает загримированный актер.

Возмущенная Софья Андреевна послала в газеты письмо, где удостоверила подлинность съемок. Она также потребовала, чтобы ее мужа показывали исключительно в программах из научных и видовых лент, — Софья Андреевна боялась соседства глупых мелодрам и фарсов. Не без оснований боялась: спрос есть спрос и «80-летие графа Л. Н. Толстого» крутили, не смущаясь, в любых программах.

АЛЕКСАНДР Осипович Дранков подбил итоги:

«Разошлось около 100 штук... Платили нам за метр 75 коп.; в то время как обычная цена 40—45 копеек. Длинной фильма вышла 80 метров, так что каждая стоила немного больше 50 рублей. Тысяч пять заработали».

Каждому свое.

...**М**ЕЖДУ тем в печати появилась статья Толстого «Смертная казнь и христианство», где впервые было употреблено великим старцем слово «синематограф»...

А ЧТО же Дранков?

Он попытался закрепиться в «художественном» жанре. Снял комическую — провал. Снял Давыдова в двух актах «Свадьбы Кречинского» — провал. Объявил инсценировку «Бывших людей» по Горькому и пустил под этим названием хронику Хитрова рынка — разоблачили. С «художественным» было непросто.

У Дранкова оставался последний козырь — Ясная Поляна. Он попытался пустить его в ход. Из Ясной Поляны ответили:

«Николай Феофанович.

Очень сожалею о том, что должен отказать вам. Объяснять причину, почему я отказываю, было бы и длинно, и бесполезно. Прошу вас верить моему искреннему сожалению о том, что не могу сделать вам приятное.

С совершенным уважением Л. Т.».

Николай Феофанович — это Козловский, молодой петербургский фотограф, только что освоивший кинокамеру, в будущем — видный советский оператор, снимавший конгрессы Коминтерна и работавший с Довженко. В ту пору Н. Козловский — сотрудник Дранкова, только что снявший ему знаменитый фильм о Разине. И вот с санкции своего патрона он обратился в Ясную Поляну с просьбой позволить приехать с киноаппаратом: Дранков опасался надоесть Толстым и действовал через третьих лиц.

Не прошло.

Дранков, не теряя времени, отправился снимать Леонида Андреева. Андреев позировал охотно и даже произнес перед Дранковым речь, в которой предсказал кинематографу блестящую научную будущность. Дранков тотчас передал эту речь журналистам, а затем прибавил, что Андреев настоятельно советовал ему, Дранкову, еще раз увековечить на ленте Л. Н. Толстого; он, Дранков, был бы рад, но, к сожалению, апостол непротивления проявляет в этом деле категорическую неуступчивость. Газеты это напечатали. Толстой не отреагировал.

И тут неожиданно помогли власти. Сначала они выслали из Ясной Поляны Гусева, потом Чертков: оберегали Льва Николаевича от дурных влияний. Гусев отправился в Сибирь, а Чертков, которому отныне запретили проживание в Тульской губернии, поселился под Москвой. В Крекшине.

Результат был неожиданный: Толстой, уже много лет не выезжавший из Ясной, собрался в Крекшино. Ехать надо через Тулу и Москву — путь достаточно долгий, что дает кинематографщикам шанс поймать великого старца в объектив. Едва слух о поездке разнесся среди кинематографщиков, как они пришли в движение... и Дранков, сидевший в Петербурге, впервые в жизни опоздал, а первым оказался сидевший в Москве оператор фирмы Патэ.

ПО ПРИНЯТОМУ правилу он обратился с просьбой о разрешении съемок к Софье Андреевне, которая и пошла с этим к Льву Николаевичу. Тот был занят, пробормотал что-то невнятное, и Софья Андреевна на свой страх и риск сообщила французу, что Толстой согласен. Когда наутро Толстой узнал, что готовится съемка, он пришел в ужас и воззвал к ближним о помощи. Александра Львовна и Гольденвейзер от имени Толстого немедленно дали французу телеграмму с отказом.

Но ничто уже не могло остановить его: француз взял тройку, прискакал к пограничным столбам Ясной Поляны, прыгнул в кювет и залег. Он снял, как Толстой и сопровождающие его лица в двух экипажах выезжают из усадьбы, — великолепный общий план с переходом на средний. Затем он вскочил в тройку, поскакал на станцию Щекино, обогнав в пути яснополянские экипажи, и снял появление Толстого в вокзале.

И тут выяснилось, что поезд на час опаздывает. Это была колоссальная удача: теперь великий писатель никуда не мог деться. Француз подошел к нему и напрямую попросил позволения снимать. Толстой оценил его юмор и сказал, что от съемки отказывается, но не может ей помешать, если снимать будут без его участия. Француз с достоинством ответил, что его фирма не позволит себе снять кого-либо без его согласия. Толстой сказал:

— Ну, так вот этого-то именно согласия я и не хочу давать!

Француз поклонился, отошел, поставил камеру и... начал снимать. Лев Николаевич, прогуливаясь по пустынному перрону, не обращал на это внимания.

...Из дневника:

«Поехали синематографщики, несмотря на отказ. Я допустил, но без моего участия...».

И тут нашелся человек, который вмешался. Это был стационарный жандарм.

— Фамилия?

— Мейер.

— Снимать запрещено!